

И. В. Чернов

КРАСНАЯ ЛИНГВОПОЛИТИКА И МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. Ортодоксальный марксизм о языковом факторе в историческом развитии

Научная основа марксистской теории является предтечей современной лингвополитологии. Для основоположников марксизма «нации» выступают прежде всего как языковые сообщества, на основе которых только и возможно совместное производство. Но этот базис постоянно изменяется под воздействием производства и производственных отношений. Экономика в истории выступает как фактор общественного развития. Языковая (национальная) инерция является фактором стабильности и сохранения. Вероятно, именно лингвополитические идеи марксизма вместе с экономическим детерминизмом в наилучшей степени могут объяснить социально-историческую эволюцию человечества. Но марксизм являлся продуктом своего времени и политических обстоятельств. Научное прогнозирование социально-политических процессов невозможно без учета лингвополитических закономерностей развития человеческого общества. Библиогр. 20 назв. Табл. 1.

Ключевые слова: марксизм, лингвополитика, лингвополитология, языковое сообщество, коммунизм, мировая революция.

I. V. Chernov

RED LINGUOPOLICY AND THE WORLD REVOLUTION. Orthodox Marxism on the linguistic factor in historical development

The scientific basis of Marxist theory is the forerunner of modern linguopolitics. For the founders of Marxism, "nations" are the language communities as the basis (base) of joint production. But this basis is constantly changing under the influence of production and the relations of production. Economy in history appears as a factor of social development. Language (national) inertia is a factor of stability and conservation. It is arguably the linguistic-political ideas of Marxism, together with economic determinism, that can best explain the socio-historical evolution of mankind. But Marxism was the product of its time and political circumstances. Scientific forecasting of socio-political processes is impossible without taking into account the linguistic and political laws of the development of human society. Refs 20. Table 1.

Keywords: Marxism, linguopoly, linguopolitics, speech community, communism, world revolution.

Чернов Игорь Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; i.chernov@spbu.ru

Chernov Igor V. — PhD, Associate Professor, St Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; i.chernov@spbu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

Я за эти месяца толечко... восемь слов выучил наизусть. Но сам собою язык даже несколько похожий на наш. Много у них слов, взятых от нас, но только они концы свои к ним поприделали. По-нашему, к примеру, «пролетариат» — и по-ихнему так же, окромя конца, и то же самое слово «революция» и «коммунизм». Они в концах какое-то шипенье произносят, вроде злобствуют на эти слова, но куда же от них денешься? Эти слова по всему миру коренья пустили, хошь не хошь, а приходится их говорить... Я ноци насквозь спать не буду, последнего здоровья лишуся, но... язык этот выучу! На английском языке буду без нежностей гутарить с мировой контрой!.. «Пил кровя из своих английских рабочих классов, из индейцев и из разных других угнетенных нациев? Ксплоатировал чужим трудом? — становися, кровяная гадюка, к стенке!» Вот и весь разговор! Эти слова я перво-наперво разучу. Чтобы мне их без заминки говорить.

М. Шолохов. Поднятая целина

Общая лингвополитика и марксистская лингвополитология

Призрак коммунизма, выпущенный Марксом и долго бродивший по Европе, грозил уничтожить извечные библейские проклятия, тяготевшие над человечеством — адамово наказание непосильным трудом (как следствие вечных экономических законов) и вавилонское многоязычие, разделившее людей на народы и племена и вызвавшее непрекращающуюся национальную вражду. Маркс полагал, что после мировой революции действие обеих этих социальных детерминант прекратится и человечество вырвется из «царства необходимости» в «царство свободы».

Экономический аспект марксизма, справедливо рассматриваемый как квинт-эссенция учения, всегда привлекал повышенное внимание и скрупулезно изучался. Однако лингвополитическая основа марксистской теории всегда незаслуженно оставалась в тени экономического детерминизма, несмотря на то что, «базируясь на экономике, социализм вовсе не сводится весь к ней» [1, с.317]. Данная статья призвана рассмотреть теорию и практику марксистской лингвополитологии как второго важнейшего аспекта «научного коммунизма».

Цель исследования — определение роли языкового фактора в социально-политическом развитии общества с точки зрения ортодоксального марксизма.

Термин «лингвополитика» не использовался основоположниками марксизма, но он достаточно точно отражает постоянно разрабатываемые ими темы: анализ влияния языка на процесс социального развития общества, изучение эволюционного развития и взаимодействия различных языковых сообществ между собой, связь отдельного языка с национальностью и национальной идеологией. Особое внимание к этой тематике было не случайно, ведь целью социализма являлось «не только уничтожение раздробленности человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их» [1, с.261]. Этот амбициозный проект, разумеется, требовал теоретического обоснования. Кроме того, лингвонациональный фактор постоянно проявлял себя как наиболее серьезное препятствие в политической практике марксизма. Во всеобщем экономическом обмене национальность выступала лишь как надпись (оттиск) на золо-

той монете, имеющей ценность вне зависимости от того, что на ней написано («национальность “is but the guinea’s stamp”» [2, с. 134]). Но интернациональной сфере обмена всегда противостояло национальное производство, базой для которого являлось отдельное, единое внутри себя языковое сообщество («национальность», «племя», «народ», «народность», «нация»), обеспечивающее возможность коммуникации между людьми. Этот дуализм интернационального обмена и национального производства с необходимостью должен был быть снят лишь после мировой революции. Предполагалось, что сам ход исторического развития сотрет все «надписи» на универсальной золотой монете или, вернее, эти надписи исчезнут вместе с ней.

Лингвополитика (linguopolicy) в данном исследовании рассматривается как объективный процесс взаимодействия между собой различных языковых сообществ (а не языков как таковых). Лингвополитология (linguopolitics) появляется как наука об этом процессе. Кроме того, лингвополитология (как отрасль политологии) изучает влияние языкового фактора на все социальные и политические изменения, происходящие в любом обществе. Лингвополитику не следует смешивать с языковой (или лингвистической) политикой (language policy). Под языковой политикой понимается целенаправленное воздействие государства на сам язык или на его функции в обществе. Поэтому языковая политика является не более чем одним из объектов изучения лингвополитологии и частным случаем лингвополитики. Таким образом, объектом исследования лингвополитологии является языковое сообщество (как необходимая форма любой социальной организации) и взаимодействие различных языковых сообществ между собой.

Политическая лингвистика (political linguistics) является частью лингвистики и не рассматривается в данной статье, так как сферой ее изучения является прежде всего сам язык (речевые дискурсы, метафоры и т. д.). Впрочем, влияние языка как такового на социальное развитие общества тоже выходит за рамки лингвополитологии. Эта сфера изучается философией языка («лингвософией»). Связь отдельного языка с «национальной идеологией» также является пограничной темой и не может изучаться отдельно от философии языка и лингвистики.

Язык не может существовать в отрыве от языкового коллектива, так же как и языковое сообщество невозможно без языка. Сфера разделения между социальными науками и лингвистикой проходит по главному предмету изучения — языковое сообщество (в науках об обществе) и язык (в лингвистике). Таким образом, один и тот же феномен изучается с разных сторон. Маркс и Энгельс занимались всеми сторонами данного феномена.

Социальные науки

Философия языка
Лингвосociология
Лингвополитология
История

Лингвистика

Когнитивная лингвистика
Социолингвистика
Политическая лингвистика
Сравнительно-историческое языкознание

С точки зрения Маркса, лингвистика в XIX в. по своей методологии приблизилась к точной науке и требовала к себе серьезного внимания от каждого ученого, занимающегося социальной проблематикой. «В настоящее время знакомство

со специальными общественными науками необходимо для всякого, кто пожелал бы восстановить какую-нибудь часть прошлой жизни человечества. Историческая наука недалеко бы ушла без филологии» [3, с.242]. Поэтому не случайно Маркс и Энгельс, имеющие хорошую лингвистическую подготовку и практическое многоязычие, серьезно занимались вопросами языкознания. Достаточно упомянуть исследование Энгельса «Франкский диалект» (подробный филологический разбор древнегерманских диалектов и их влияния на современные языки и диалекты). Этот общий интерес к языковой проблематике был вызван как теоретическими потребностями выработки научной теории социального развития, так и практическими нуждами политической борьбы Интернационала.

Меньшая разработанность лингвополитической тематики в марксизме по сравнению с экономической отчасти является случайностью. Так, например, Маркс последние два года своей жизни (1881–1883) серьезно занимался лингвополитическими исследованиями в рамках анализа истории человеческого общества, но в итоге эту работу («по завещанию Маркса») Энгельсу пришлось завершать самостоятельно. Энгельс писал, что его исследование «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884) «может лишь в слабой степени заменить то, что уже не суждено моему покойному другу» [4, с.25]. Ленин в январе 1917 г. начал писать свой серьезный лингвополитический труд под рабочим названием «Статистика и социология». Эта книга задумывалась им как анализ соотношения национального и интернационального факторов в социальном развитии. Февральская революция вынудила его оставить эту работу. Он успел привести только статистику по национальностям в развитых государствах.

Данная статья в основном построена на марксистских первоисточниках — рассматриваются монографии, статьи, письма «отцов-основателей» и их эпигонов. Выбор представителей «ортодоксального марксизма» достаточно очевиден. Кроме К. Маркса и Ф. Энгельса, представлены К. Каутский («К. Каутский до войны 1914–1916 гг. был марксистом, и целый ряд важнейших сочинений и заявлений его навсегда останутся образцом марксизма» [1, с.367]), Г.В. Плеханов («нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать — именно изучать — все написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма» [5, с.290]) и сам В. И. Ленин.

В тех местах, где автор излагает взгляды «основоположников» без сноски на цитаты из их произведений, это делается исключительно исходя из объема статьи и, разумеется, может быть подтверждено цитатами и сносками. Это же касается и цитат, использованных в усеченном виде. В тех случаях, когда смысл цитат может вызывать сомнения — они приводятся целиком и в полном контексте. Вероятно, изложение материала стоило бы выстроить хронологически по авторам и по периодам их развития (очевидно, что в течение жизни взгляды эволюционировали), но ограниченный объем статьи предполагает тематическое изложение. Впрочем, в случае расхождений марксистских теоретиков друг с другом (или со своими же более ранними утверждениями) в теоретических вопросах на это специально обращается внимание в тексте.

Актуальность данного исследования связана не только с годовщиной столетнего юбилея Октябрьской революции. Сто лет назад для марксистских теоретиков мировая революция выступала как экономическая необходимость и с неизбеж-

ностью вела к исчезновению («снятию») языковых противоречий. В современном мире уже глобализация рассматривается как объективная экономическая необходимость, ведущая к культурной и языковой унификации. Очевидно, что традиционная марксистская теория (со всеми ее ошибками) напрямую связана с новыми теоретическими разработками и политическими реалиями XXI в.

Язык как «самоговорящее бытие» и «действительное сознание»

Лингвополитология лежит в основе марксистской социальной теории, потому как языковое (коммуникативное) сообщество является естественной и необходимой базой для действия экономических законов, а взаимодействие языковых сообществ между собой выступает как двигатель всей мировой истории. Но этот важнейший теоретический тезис Маркса, как ни странно, привлек к себе гораздо меньше внимания, чем его дальнейшие экономические выкладки. Хотя именно языковое сообщество рассматривалось Марксом как необходимая и «вечная» база для материального и духовного производства.

По Марксу, материя («бытие») по своей природе находится в постоянном движении, которое долгим эволюционным путем ведет сначала к возникновению органической материи из неорганической, потом животных из растений, психики из нервных рефлексов, сознания из психики. Сознание, таким образом, тоже в конечном итоге является продуктом развития материи и функционирует как зеркало материального, действительного мира. Как отмечал Энгельс, «материя не есть продукт духа, а дух есть сам лишь высший продукт материи» [6, с. 353]. Таким образом, хотя мысли являются «самостоятельными сущностями, которые обладают независимым развитием и подчиняются только своим собственным законам», «материальные условия жизни людей, в головах которых совершается этот мыслительный процесс, в конечном счете определяют собой его ход» [6, с. 378].

Еще Гегель писал, что язык — это «тело мышления» [7, с. 320]. По словам Маркса, «на “духе” с самого начала тяготеет проклятие “отягощения” его материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков, — словом, в виде языка. Язык так же древен, как и сознание; язык как раз и *есть* практическое, существующее и для других людей, и лишь тем самым существующее и для меня самого действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной нужды в общении с другими людьми» [8, с. 20–21].

Поэтому закономерно, что изначальным объектом анализа в марксистской социальной теории является именно «общение» (Verkehr). Однако традиционный русский перевод этого немецкого слова достаточно условен — буквально с немецкого Verkehr переводится как «движение, сообщение между людьми (например, в смысле «железнодорожное сообщение»), знакомство, сношения». Поэтому, вероятно, более близким по смыслу русским термином является не «общение», а «коммуникация». Как бы то ни было, по мысли Маркса, это «общение-коммуникация» лежит в основе всего социального как такового, делает его в принципе возможным. Это общение осуществляется с помощью языка. Причем даже «материальное общение людей» (Materialien Verkehr der Menschen) Маркс называет «языком действительной жизни», а «действительное сознание» как таковое приравнивает к языку. Язык, по Марксу, это и есть действительное сознание, ибо «непосред-

ственная действительность мысли, это — язык» [8, с. 434]. «Общественные силы», лежащие в основе развития общества, приводятся в движение только посредством языка. Таким образом, язык непосредственно (не через «базис») связан не только с производством, но и вообще со всякой деятельностью человека. Без языка невозможно существование самого общества.

Очевидно, что любой человек является естественным членом определенного языкового сообщества. Причем язык выступает одновременно и как продукт этого коллектива, и как «наличное бытие этого коллектива, к тому же его самоговорящее бытие» [9, с. 277]. Именно языковое сообщество можно назвать субстанцией («материей»), в которой действует экономический фактор. Наличие этого коммуникативного сообщества («общины»), по Марксу, является природным условием производства и условием развития языка («в качестве первой великой производительной силы выступает сама община» [9, с. 280]). Причем «в отношении отдельного человека, например, ясно, что он даже к языку как к своему собственному языку относится только как естественный член какого-нибудь человеческого коллектива. Язык как продукт отдельного человека — бессмыслица» [9, с. 277]. Маркс писал, что «производство обособленного одиночки вне общества... такая же бессмыслица, как развитие языка без совместно живущих и разговаривающих между собой индивидов» [9, с. 28].

Таким образом, любое общество — это языковое сообщество прежде всего. Языковое (или коммуникативное) сообщество возникает естественным образом (на базе биологического, «родового» сообщества) вместе с человеческим «общением» как таковым (до всякого классового разделения и, разумеется, до возникновения государства). Говоря другими словами, языковое сообщество является «человеческой» формой существования биологической общности — рода. Однако сам язык — не столько продукт рода, сколько его постоянный спутник. Как писал Маркс, «тем обстоятельством, что Санчо говорит по-немецки, а не по-французски, он обязан вовсе не роду, а обстоятельствам» [10, с. 427]. Причем эта естественно возникшая языковая общность достаточно устойчива и не исчезает в процессе экономического развития с возникновением государства. Она только меняет свои рамки и форму, выступая на исторической арене то как племя, то как народность, то как нация.

Языковое сообщество как актор социального развития

Молодой Маркс определил нацию (уподобляя ее кантовской «вещи в себе») как «дрянь в себе и для себя»: «Так как это противоречие по видимости представляется лишь <...> противоречием внутри национального сознания, то этой нации кажется, что и борьба ограничивается этой национальной дрянью как раз потому, что сама эта нация есть дрянь в себе и для себя» [8, с. 22]. Это замечание выражало отношение Маркса к феномену национальности как таковой, но, разумеется, не являлось плодом серьезного научного анализа.

Уже в конце жизни Маркс в ходе работы над своим неоконченным лингвополитическим трудом сделал многочисленные выписки из книги американского антрополога Л. Моргана. Позже их фактически повторил Энгельс в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Как отмечал Энгельс,

«Морган в Америке по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории, открытое Марксом сорок лет тому назад, и, руководствуясь им, пришел, при сопоставлении варварства и цивилизации, в главных пунктах к тем же результатам, что и Маркс» [4, с. 25]. Таким образом, определение нации, данное Морганом, очевидно, устраивало Маркса: «Термин “нация” (nation) применяется ко многим индейским племенам, несмотря на их незначительную численность, из-за исключительного обладания определенным диалектом и территорией. “Племя” и “нация” не полностью эквивалентны; при родовых институтах “нация” возникает только тогда, когда племена, объединенные одним управлением, сливаются в единый народ <...> Конфедерация племен является ближайшим аналогом народа <...> Общий язык (диалекты которого были еще понятны взаимно) определял ее границы; ни одна из конфедераций не вышла за пределы диалектов одного общего языка» [11, с. 286].

Итак, для Маркса термин «нация» (Nation) означал отдельное языковое сообщество определенного языка, обладающее определенной территорией и политической организацией. Под термином «национальность» (nationality, Nationalität) понималось опять-таки языковое сообщество, но не обязательно имеющее общую территорию и единую политическую организацию. Как писал Энгельс: «...как только произошло разграничение на языковые группы... стало естественным, что эти группы послужили определенной основой образования государств, что национальности начали развиваться в нации» [4, с. 410]. Таким образом, с точки зрения Маркса, «национальность-нация» как языковое сообщество в рамках отдельного языка — это естественно возникающая базовая рамка для всех других внутренних и внешних подразделений общества.

В процессе биологической эволюции стаи обезьян постепенно превратились в человеческие общины. Основную роль в этом процессе сыграло развитие орудий труда и одновременное развитие речи. Таким образом, закономерно, что первые человеческие коллективы были объединением родственников, говорящих на одном праязыке. Эти коллективы постепенно увеличивались количественно и вследствие этого естественным образом разделялись, заселяя все новые территории. Сначала произошло разделение первоначального прачеловечества на расы (термин «раса» употребляется Марксом и Энгельсом в широком смысле и означает различные племена родственного происхождения), потом эти «расы» разделились на «племена», или «народности» (различные родственные языковые сообщества внутри одной расы). Как писал Энгельс, «общий язык, имевший различия только в диалектах, был выражением и доказательством общего происхождения. На примере североамериканских индейцев мы видим, как первоначально единое племя постепенно распространяется по огромному матерiku; как племена, расчлняясь, превращаются в народы, в целые группы племен, как изменяются языки, становясь не только взаимно непонятными, но и утрачивая почти всякий след первоначального единства».

Племена меняли территорию, религию, даже внешний вид и характер, но не язык — он изменяется, но не сменяется (если не было завоевания и ассимиляции племени другим народом). Язык выступал как самый устойчивый признак сложившейся социальной общности. Причем каждому племени соответствовал «особый, лишь этому племени свойственный диалект. В действительности племя и диалект по существу совпадают», а «новообразование племен и диалектов» происхо-

дит путем их разделения [6, с. 234]. Расходясь территориально и теряя постоянную коммуникацию друг с другом, эти отдельные коллективы видоизменяли и свой язык — праязык распадался на ряд родственных диалектов. Новые коллективы также увеличивались количественно и также распадались — давая начало все новым и новым диалектам и языкам. Тем не менее каждое племя имело свой особый язык (вариант языка), маркирующий естественные границы общения.

Затем «в отдельных местностях первоначально родственные, но разобщенные племена вновь сплачивались в длительные союзы, делая, таким образом, первый шаг к образованию наций» [6, с. 236]. Причем «с ростом численности народа и дальнейшим его развитием все больше и больше забывали о союзе, основанном на кровном родстве... Общее происхождение все в меньшей степени воспринималось как подлинное кровное родство, память о нем все больше ослабевала, оставалась лишь общая история и общее наречие». Именно племя (или конгломерат родственных в биологическом и языковом отношении племен) и стало базисом для возникновения не только нации, но и государства, которое становится «условием дальнейшего существования нации» [12, с. 496].

Государство возникает на основе конгломерата лингвистически родственных племен. Общий интерес (в виде государства) принимает самостоятельную форму, «но это всегда совершается на реальной основе, имеющейся в каждом семейном или племенном конгломерате связей по плоти и крови, по языку, по разделению труда в более широком масштабе и по иным интересам» [8, с. 24]. Причем, по Энгельсу, государство возникает не только как результат разделения труда и классового расслоения, но чаще как результат завоевания — покорения одних племен другими и их смешения. В рамках единого государства крупные языковые сообщества («национальности») постепенно ассимилируют малочисленные. Общий язык одновременно выступает и как необходимое условие для существования государства как работоспособного социального механизма.

С точки зрения современной западной политологии термин «нация», конечно, неприемлем по отношению к родо-племенному строю, описываемому Энгельсом. Однако Маркс и Энгельс считали иначе: «Смешнее всего эта придурь выглядит в истории, где позднейшая эпоха имеет, конечно, иное сознание об эпохе более ранней, чем эта последняя о самой себе, и где, например, греки сознавали себя как греки, а не так, как сознаем их мы, и где упрек по адресу греков в том, что у них не было этого нашего сознания о них, т. е. “сознания того, чем они были на самом деле”, превращается в упрек, почему они были греками» [8, с. 231].

Государство (как форма социальной организации) становится могущественной машиной по распространению своего рабочего языка и переработке (уничтожению) других языков, попадающих в сферу ее действия. Так, например, «по всем странам бассейна Средиземного моря в течение столетий проходил нивелирующий рубанок римского мирового владычества. Там, где не оказывал сопротивления греческий язык, все национальные языки должны были уступить место испорченной латыни; исчезли все национальные различия, не существовало больше галлов, иберов, лигуров, нориков — все они стали римлянами. Римское управление и римское право повсюду разрушили древние родовые объединения, а тем самым и последние остатки местной и национальной самостоятельности. Новоиспеченное римское гражданство ничего не предлагало взамен; оно не выражало никакой

национальности, а было лишь выражением отсутствия национальности» [4, с. 147], но, добавим от себя, признаком наличия политической нации. В самом общем виде лингвополитическая теория марксизма может быть сведена к положению, что языковые общности естественно создают политическую надстройку (как форму существования общности) и являются необходимым базисом для национальности и, как следствие, для государства. Язык задает естественные границы политической общности.

Римская «нация» рухнула вместе с Римским государством. Причем уже задолго до этого «элементы новых наций были повсюду налицо; латинские диалекты различных провинций все больше и больше расходились между собой», но «нигде не было налицо силы, способной соединить эти элементы в новые нации» [4, с. 147]. Этим «элементом» стало нашествие германских племен. «Из смешения народов, происходившего в раннем Средневековье, постепенно развивались новые национальности... Как только произошло разграничение на языковые группы... стало естественным, что эти группы послужили определенной основой образования государств, что национальности начали развиваться в нации» [4, с. 410]. Каждой нации в идеале соответствовало свое государство и свой общий национальный язык — «гражданское общество... должно выступать вовне в виде национальности и строиться внутри в виде государства» [8, с. 27]. Таким образом, в силу необходимости «в любом современном развитом языке естественно возникшая речь возвысилась до национального языка отчасти благодаря историческому развитию языка из готового материала, как в романских и германских языках, отчасти благодаря скрещиванию и смешению наций, как в английском языке, отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией» [8, с. 427].

Энгельс определил и основные условия национального существования: значительная численность языкового сообщества и занимаемая им сплошная территория. Малочисленные языковые сообщества, по его мнению, были обречены на исчезновение: «Все изменения, поскольку они рассчитаны на долгий срок, должны исходить из того, чтобы крупным и жизнеспособным европейским нациям во все большей и большей мере предоставить их действительно естественные границы, которые определяются языком и общностью симпатий; в то же время обломки народов, которые еще имеются кое-где и которые не способны более к самостоятельному национальному существованию, должны остаться в составе более крупных наций и либо раствориться в них, либо остаться лишь в качестве этнографических памятников, без всякого политического значения» [2, с. 280]. Энгельс утверждал, что «естественная и неизбежная участь этих умирающих наций состоит в том, чтобы дать завершиться этому процессу разложения и поглощения более сильными соседями». «Конечно, при этом дело не обходится без того, чтобы не растоптали несколько нежных национальных цветков. Но без насилия и неумолимой беспощадности ничто в истории не делается...» [13, с. 298]. К тому же, с точки зрения марксизма, «эти остатки нации, безжалостно растоптанной, по выражению Гегеля, ходом истории, эти обломки народов становятся каждый раз фанатическими носителями контрреволюции и остаются таковыми до момента полного их уничтожения или полной утраты своих национальных особенностей, как и вообще уже самое их существование является протестом против великой исторической революции...

это только обломки народов, продукт в высшей степени запутанного тысячелетнего развития» [13, с. 183]. Лишь государство-нация является идеальной формой для развития капитализма, создавая единый национальный рынок без внутренних политических и языковых границ.

Мировая революция против языкового многообразия

Однако поступательное развитие капитализма постепенно делает излишними перегородки уже и между самими этими государствами-нациями. «Манифест коммунистической партии», написанный Марксом и Энгельсом в Лондоне в 1848 г., заявлял, что «буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим. К великому огорчению реакционеров, она вырвала из-под ног промышленности национальную почву... На смену старой местной и национальной замкнутости... приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной степени относится как к материальному, так и к духовному производству. Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными...» [14, с. 28–29].

Коммунизм призван был лишь ускорить этот объективный процесс — «национальная обособленность и противоположности народов все более и более исчезают уже с развитием буржуазии... Господство пролетариата еще более ускорит их исчезновение... Вместе с антагонизмом классов внутри наций падут и враждебные отношения наций между собой» [14, с. 44]. Одновременно с торжеством всемирного коммунизма планировалось отмирание государства, естественное исчезновение наций и отдельных языков. Но это не могло произойти мгновенно, по мановению волшебной палочки. Единый язык коммунистического человечества должен был возникнуть естественно, а не изобретен как некий искусственный всемирный язык и не навязан сверху. Маркс иронизировал по поводу коммунистов-французов, которые считали, что «всякая национальность и самая нация — устарелые предрассудки»: «Англичане очень смеялись, когда я начал свою речь с того, что наш друг Лафарг и другие, отменившие национальности, обращаются к нам по-французски, т. е. на языке, непонятном для 9/10 собрания. Далее я намекнул, что Лафарг, сам того не сознавая, под отрицанием национальностей понимает, кажется, их поглощение образцовой французской нацией» [1, с. 214]. С точки зрения Маркса, лингво-национальный вопрос нельзя было отменить, но, напротив, приходилось учитывать в качестве существенного социального фактора. Языковое многообразие само должно было отмереть естественным путем после победы мировой революции и исчезновения государства. Ведь, по теории Маркса, коммунизм может быть только универсальным, а «мировое общение» должно было заменить общение в обособленных национальных сообществах. «Коммунизм... вообще возможен лишь как “всемирно-историческое” существование» [8, с. 26]. Предполагалось, что после того, как перестанут действовать экономические законы капитализма, «индивиды целиком возьмут под свой контроль и этот продукт рода» (т. е. язык) [10, с. 427]. Но, по мнению Маркса и Энгельса, языковое (и, следовательно, национальное) многообразие должно было исчезнуть только в результате длительного и естественного социально-экономического развития человечества.

В сущности то же самое повторил вслед за своими учителями и Карл Каутский, известный не только своей приснопамятной перепиской с Фридрихом Энгельсом, но и многочисленными теоретическими работами в духе ортодоксального марксизма. В начале XX в. полемика Каутского с Отто Бауером, одним из лидеров австрийской социал-демократии, по вопросу о том, что представляет собой нация, привлекла всеобщее внимание внутри социалистического движения и стала квинт-эссенцией научного спора о соотношении нации и языка. Бауер определил нацию как «общность культуры и характера, возникающей на основе общности судьбы» [15, с. 18], и поэтому считал необходимой целью социализма то, чтобы масса народа овладела национальной культурой. С точки зрения Каутского, и национальный характер, и национальная культура являлись лишь «фантомами, которые расплываются в воздухе, если к ним пристально присмотреться» [15, с. 158]. С его точки зрения, «то, что объединяет нацию и отмежевывает ее от других, это не общий национальный характер, но общность языка» [15, с. 157]. Каутский писал: «Я понимаю национальность как языковую общность, а современную национальность как порожденную современным обменом общность письменного языка (Schriftsprache)» [15, с. 140]. Таким образом «всякая национальная общность есть общность языка». Именно она выступает как базис нации, хотя и «не является единственным отличительным признаком нации» [15, с. 26]. Но все другие признаки (территория, единая политическая власть, культура и т. д.) являются лишь «надстройкой» на этом базисе. Причем так как языковое сообщество устойчивее всех своих внутренних разделений (включая классовые), то, в отличие от мировой политической революции, стоит говорить о постепенной всемирной лингвонациональной эволюции. Как писал Каутский, «когда социалистическое общество сделает массы народа образованными, он даст им также возможность овладеть несколькими языками, мировыми языками, и, таким образом, стать участниками всей интернациональной культуры нашей культурной сферы, а не только участниками особой культуры одной-единственной национально-языковой общности. Но раз мы дойдем до того, что масса населения наших культурных государств будет знать, наряду с нашими национальными языками, еще один или несколько мировых языков, то тем самым будет дана также почва для того, чтобы постепенно отошли на второй план и совершенно исчезли сначала языки меньших наций и чтобы, в конце концов, все культурное человечество сплотилось в один язык и в одну нацию, как в свое время народы восточной части Средиземного бассейна после эпохи Александра Македонского слились в эллинистическую национальность, а народы западной части позже — в романскую. Различие языков внутри нашей сферы культуры затрудняет взаимное понимание ее членов, принадлежащих к различным нациям, и становится препятствием на пути их дальнейшего культурного развития. Но преодолеть это препятствие сможет только социализм, которому придется долгое еще время действовать, прежде чем ему (это) удастся...» [15, с. 45–46]. По Каутскому, при социализме общий язык будет служить уже не средством угнетения, а инструментом для удобства общения. Язык перестанет служить в государственной жизни целям господства, а будет служить лишь целям управления: «Языковые отношения в государстве начинают устанавливаться исключительно согласно целесообразности и потребностям народной массы... Вместе с этим для отдельного человека принадлежность к своей национальности, употребление языка становится только

вопросом целесообразности. Каждый предпочтет из доступных ему языков тот, употребление которого даст ему наибольшее участие в современной культуре... Таким образом, ассимиляция и растворение... целых национальностей пойдет тогда гораздо более быстрым темпом» [15, с. 164–165]. Именно к этой ассимиляции и должно стремиться социалистическое движение: «Целью социалистического развития служит не дифференциация, но ассимиляция национальностей, не доступ масс к национальной культуре, но к европейской культуре, которая все более становится равнозначущей с культурой мировой» [15, с. 167]. В этих своих положениях Каутский опять-таки повторял теоретические основы, заложенные его учителями.

Критики Каутского говорили, что исчезновение многообразия национальностей, а следовательно и языков, приведет к всеобщему однообразию, монотонности и духовному обеднению. Но с точки зрения ортодоксального марксизма это исчезновение было не вопросом «нравится — не нравится» (по выражению Каутского), а неизбежным следствием «роста международного оборота», и поэтому «нечего жалеть об исчезновении многоязычности» [15, с. 169]. Экономическая целесообразность так или иначе должна была победить все остальные предпочтения: «Величайшая напряженность торгового оборота явится условием существования социалистического общества. Необходимым следствием этого будет возрастающее устранение препятствий к обороту, между которыми важнейшее значение имеют языковые различия... Уже в Библии это многообразие языков рассматривается как громаднейший ущерб человечеству» [15, с. 173]. По Каутскому, разделение человечества по языкам означает ослабление его мощи, а его языковое объединение означает подъем на высшую вершину власти. Всякое противодействие этому процессу было бы реакционно, так как «помешать народам понимать друг друга из-за многообразия — значит для хорошей цели применить негодные и, более того, превратные и вредные средства» [15, с. 174].

Тем не менее, так же как и Маркс, Каутский был против изобретения искусственного универсального языка. Этот язык должен был появиться естественно. Каутский писал: «Языка этого, понятно, нельзя произвольно выдумать... Волапюк вряд ли выйдет из положения условного, тайного языка немногих посвященных. Гораздо вероятнее, что универсальным языком станет какой-нибудь из теперь уже существующих... Национальные языки займут относительно “мировых” такое же положение, какое занимают теперь различные наречия относительно литературного языка... Но и эти (мировые) языки будут сменять друг друга в распространенности и господстве... во всяком случае, условиями, которые доставят победу тому или другому из них, будут экономические условия, а не какие-нибудь грамматические или фонетические преимущества... Но потребность в универсальном языке есть только симптом потребности в объединении наций современной цивилизации в одну экономическую область, потребности в уничтожении национальных разграничений» [15, с. 184–185]. В роли мировых языков Каутский видел немецкий, английский и французский. Какой из них станет универсальным языком человечества, зависит от экономического и политического развития англоязычного, франкоязычного и немецкоязычного языковых сообществ. Впрочем, Каутский не исключал, что «экономическое и политическое развитие присоединит к этим языкам еще русский в качестве четвертого международного языка; но также возможно, что один из них, английский, станет единственным универсальным языком.

Он не только шире всех других распространен в сфере так называемой христианской культуры, но и все более становится также языком образованных в буддийско-браманской и исламской сферах культуры. Среди мировых языков область господства английского растёт быстрее всего» [15, с. 42–43].

Таким образом, по мнению Каутского, современные нации приняли существующую форму прежде всего по экономическим причинам, по экономическим же причинам они и отомрут. И хотя «процесс всасывания маленьких “народов-остатков” крупными нациями внутри государства не следует смешивать с всасыванием малых государств большими» [15, с. 117], но «в высшей степени реакционным начинанием было бы желание искусственными мерами предохранить национальные меньшинства от всех экономических и социальных факторов, приводящих силою обстоятельств к национальному слиянию (ассимиляции) меньшинств с окружающей их средой» [15, с. 139]. Каутский как ортодоксальный марксист был уверен, что хотя объединение и обособление современных обществ в национальные государства было одним из могущественнейших факторов новейшего экономического развития, но, «дойдя до известного предела, это обособление является совершенно излишним, мало того — оно становится даже тормозом дальнейшего развития» [15, с. 181]. Мировая победа коммунизма, по Каутскому, неизбежно должна была сопровождаться победой моноязычия и ликвидацией «вавилонского ущерб» человечеству.

Марксистское понимание линейного социально-экономического развития человечества по пути прогресса можно проиллюстрировать в таблице (см. с. 180).

Вместо заключения

Дело мировой революции и проделки национального духа

До Первой мировой войны Ленин, по крайней мере в лингвополитических вопросах, следовал за теоретическими построениями Каутского («путаный О. Бауер, разоблаченный К. Каутским» [16, с. 387]). Нация для Ленина (вслед за Каутским) представляла собой прежде всего отдельное языковое сообщество. Именно языковое, а не культурное сообщество людей (и многообразие этих языковых сообществ) Ленин считал той реальностью, с которой придется иметь дело в случае победы социалистической революции в России. Не случайно поэтому, что особое внимание он уделял будущей языковой политике государства. Ленин категорически выступал против любого насилия и подавления в языковом вопросе, отвергая сам принцип государственного языка, что, однако, по мнению Ленина, не отменяло постепенной языковой унификации: «В России уже есть капиталистическая экономика, делающая русский язык необходимым» [1, с. 97]. Основной тезис Ленина заключался в том, что «о судьбе русского языка беспокоиться нечего. Он сам завоюет себе признание во всей России... ибо потребности экономического оборота всегда заставят живущие в одном государстве национальности (пока они захотят жить вместе) изучать язык большинства» [1, с. 115], что неизбежно приведет к складыванию единого языкового сообщества-нации. Еще в декабре 1913 года он говорил о том, что «мы не хотим приспособлять социализм к национализму... Разграничение наций в пределах одного государства вредно, и мы, марксисты, стремимся сблизить и слить их» [16, с. 238]. С точки зрения Ленина, Россия по-

сле социалистической революции, дав свободу всем национальностям выйти из ее состава, должна была превратиться (вместе с оставшимися национальностями) в централизованное национальное государство, в котором по неизбежным экономическим законам возникла бы единая нация — русскоязычное языковое общество. Ленин отмечал: «Мы хотим, чтобы республика русского (я бы не прочь сказать даже: великорусского, ибо это правильнее) народа привлекала к себе иные нации, но чем? Не насилием, а исключительно добровольным соглашением» [1, с. 459]. Но это «добровольное соглашение» никак не могло, по мнению «дореволюционного» Ленина, принять форму федерации — «марксисты, разумеется, относятся враждебно к федерации и децентрализации... Пока и поскольку разные нации составляют единое государство, марксисты ни в каком случае не будут проповедовать ни федеративного принципа, ни децентрализации. Централизованное крупное государство есть громадный исторический шаг вперед от средневековой раздробленности к будущему социалистическому единству всего мира, и иначе как *через* такое государство (*неразрывно* связанное с капитализмом) нет и быть не может пути к социализму» [1, с. 139–140].

Революция в России 1917 г. стала для Ленина неожиданным переходом к практической реализации базовых теоретических положений марксизма. Придя к власти в России, Ленин понимал, что «дело всемирной пролетарской революции, дело создания всемирной Советской республики» [1, с. 523] неизбежно зависит от преодоления «самых глубоких из мелкобуржуазных предрассудков, именно: предрассудков национального эгоизма и национальной ограниченности» [1, с. 518]. Ведь именно эти «предрассудки» привели к краху интернационального социалистического движения во время мировой войны. Нация оказалась более существенной реальностью, чем ее классовое разделение. Ленину пришлось столкнуться с неожиданным для него всплеском национальных чувств и сразу после социалистической революции в России: «Если мы скажем, что не признаем никакой финляндской нации, а только трудящиеся массы — это будет пустяковиннейшей вещью. Не признавать того, что есть, — нельзя: оно само заставит себя признать» [1, с. 481]. Реальная лингвополитика вносила необходимые коррективы в политическую деятельность большевиков. Ленин писал: «Мы бы вычеркнули национальный вопрос из программы. Это можно было бы сделать, если бы были люди без национальных особенностей. Но таких людей нет, и иначе социалистического общества мы никак не можем построить» [1, с. 485]. И хотя, как заявлял Ленин, «мы — противники... национальной обособленности. Мы — международники, интернационалисты. Мы стремимся к тесному объединению и полному слиянию рабочих и крестьян всех наций мира в единую всемирную Советскую республику», но он же вынужден был признать и тот факт, что «такой союз нельзя осуществить сразу; до него надо доработаться с величайшей терпеливостью и осторожностью, чтобы не испортить дело... Поэтому, неуклонно стремясь к единству наций, преследуя все, что разъединяет их, мы должны быть очень осторожны, терпеливы, уступчивы к пережиткам национального недоверия» [1, с. 505–506].

В политической практике Ленину пришлось уже в 1918 г. признать необходимость государственного федерализма: «На самом деле даже федерация, если она проведена в разумных с экономической точки зрения пределах, если она основывается на серьезных национальных отличиях, вызывающих действительную

Таблица. Лингвополитическая и социально-экономическая эволюция общества (по К. Марксу и Ф. Энгельсу)

	«Форма общения» (коммуникативное сообщество)	Язык	Социально-экономическая формация	Политический строй	Производство
1.	Биологический «род»	Возникновение языка	Переход к человеческому обществу. Низшая стадия эпохи «дикости»	Родовая организация	Не производящая (присваивающая) экономика. Переход от стада к общине
2.	«Раса» как биологическая языковая общность	Протоязык	Первобытно-общинный строй. 2–3-я стадии эпохи «дикости»	Протоплемя	Первобытный коммунизм (единая экономическая община). Огонь, лук, стрелы и т.д.
3.	Племя как языковая общность	Родственные диалекты протоязыка у каждого из племен	Первобытно-общинный строй. 1–2-я стадии эпохи «варварства»	Племя как политическая организация (Stammwesen — племенное бытие)	Первобытный коммунизм (единая экономическая община). Гонимое искусство, приручение животных, разведение растений
4.	Протогосударство как языковое сообщество (национальность)	Единый язык, возникший на основе родственных диалектов	Первобытно-общинный строй. 3-я стадия эпохи «варварства»*	Конгломерат (союз) родственных племен (постепенное слияние их в протогосударство)	Кризис первобытного коммунизма (распад единой экономической общности). Железо, разделение труда, начало классового расслоения

5.	Рабовладельческая нация как языковое сообщество	Господствующий государственный язык	Рабовладельческий строй**	Централизованное рабовладельческое государство	Единое экономическое пространство. Промышленность, классы
6.	Иерархия языковых сообществ внутри государства (результат завоевания)	Диглоссия*** «высших» и «низших» языков, распад языков на диалекты	Феодальный строй	Децентрализованное феодальное государство	Хозяйственная обособленность, отсутствие единого экономического пространства
7.	Капиталистическая нация как языковое сообщество	Литературный национальный язык	Капиталистический строй	Централизованное национальное государство	Единое экономическое пространство. Развитие производства, классы
8.	Социалистическая единая (бесклассовая) нация	Равноправие языков (de jure)	1-я фаза коммунизма (социализм)	Централизованное социалистическое государство	Единое экономическое пространство. Дальнейшее развитие производства, бесклассовое общество
9.	Постнация — все человечество как единое языковое сообщество	Общий глобальный язык	2-я фаза коммунизма	Отмирание государства	Коммунизм, общемировое хозяйство

* «Варварство переходит в цивилизацию в результате изобретения буквенного письма и применения его для записывания словесного творчества» [4, с. 32].

** Рабовладельческий строй является возможной, но не обязательной стадией социально-экономического развития (в некотором роде «ступичкой ветвью»).

*** Диглоссия — особый вариант многоязычия, при котором в государстве или в обществе сосуществуют два языка или несколько языков, принимаемые их носителями в различных функциональных сферах.

необходимость в известной государственной обособленности... является лишь переходным шагом к действительно демократическому централизму... послужит именно вернейшим шагом к самому прочному объединению различных национальностей России в единое демократическое централизованное Советское государство» [1, с. 470]. Разумеется, для Ленина федерализм не был отказом от «всемирной революции». Именно ей, а вовсе не «национальному эгоизму», была подчинена вся его политическая деятельность. Даже социалистическое государство рассматривалось им только как инструмент достижения данной цели. Поэтому при создании СССР Ленин отстаивал позицию федерализма, отвечающую не интересам отдельного государства, а интересам «всемирной революции», столкнувшейся на своем пути с серьезнейшими лингвонациональными «пережитками». Ленинской стратегией оставалось всемирное, коммунистическое слияние наций, но, как показала политическая практика, тактически этот лозунг оказался неверен. Многие «левые» большевики, однако, не хотели мириться и с тактическим отступлением. Так, например, А. Богданов, давний философский противник Ленина, ставший одним из идейных вдохновителей движения Пролеткульт и желавший во что бы то ни стало ускорить объективные социально-экономические и языковые процессы, намечал следующую программу практических действий: «а) Борьба вообще против национально-кустарнических тенденций в области языка (особенно, где дело касается мелких или отсталых наций); в) Пропаганда в пролетариате всех стран, кроме англо-саксонских, изучения в *первую очередь* английского языка. ... с) Преобразование — по собственной инициативе пролетариата, не только англо-саксонского, но международного, — варварской орфографии английского языка в рациональную, — быть может, и с некоторыми грамматически-упрощающими реформами. д) *После* такого преобразования — объявление этого языка международно-пролетарским; и практические меры, отсюда вытекающие» [17]. Разумеется, Ленин, осознавший значимость языкового фактора, категорически выступал против практического применения подобного рода идей: «Надо ввести строжайшие правила относительно употребления национального языка в инациональных республиках, входящих в наш союз, и проверить эти правила особенно тщательно. Нет сомнения, что под предлогом единства железнодорожной службы, под предлогом единства фискального и т. п. у нас, при современном нашем аппарате, будет проникать масса злоупотреблений истинно русского свойства» [1, с. 551]. Как говорил Ленин в конце 1922 г., выступая на IV конгрессе Коминтерна: «Я полагаю, что перспективы мировой революции... благоприятны. И при одном определенном условии, я полагаю, они станут еще лучшими... Резолюция прекрасна, но она почти насквозь русская... Если ее даже и прочтут, то никто из иностранцев ее не поймет, именно потому, что она слишком русская. Не потому, что она написана по-русски — она прекрасно переведена на все языки, — но она насквозь проникнута русским духом» [16, с. 238]. Именно этот «русский дух», по мнению Ленина, в наибольшей степени угрожал перспективам мировой революции.

Однако в теоретическом плане Ленин оставался верен своему диалектическому парадоксу: тактическая защита наций и национальных языков рано или поздно должна была завершиться... их итоговым стратегическим слиянием. Впрочем, даже в 1954 г. «Краткий философский словарь» повторял, что «отсутствие эксплуататорских классов, угнетающих и угнетаемых наций, сближение и сотрудничество

наций, ликвидация политики подавления и ассимиляции языков будут иметь своим следствием взаимное обогащение сотен национальных языков, из которых будут выделяться зональные языки, а затем эти зональные языки сольются в единый международный язык, который образуется из лучших элементов национальных и зональных языков» [18, с. 703].

Научная основа марксистской теории является предтечей современной лингвополитологии. Для основоположников марксизма «нации» выступают прежде всего как языковые сообщества, на основе (базе) которых только и возможно совместное производство. Но этот базис постоянно изменяется под воздействием производства и производственных отношений. Экономика в истории выступает как фактор общественного развития. Языковая (национальная) инерция является фактором стабильности и сохранения. Можно сказать, что язык «консервирует» социум. Ведь «люди сами делают свою историю», но «в рамках определенного, ограниченного, данного общества» [6, с. 485]. Таким образом, вся история может быть представлена как процесс социально-экономического развития языковых сообществ на фоне постоянного взаимодействия их друг с другом. Однако «упрощенное представление о странах и народах, размещенных на шкале прямолинейного прогресса и разделенных на лучших и худших» [19, с. 118], являлось слабым местом марксизма. К удивлению ортодоксов, на практике «консервативная» лингвополитика постоянно побеждала «прогрессивный» экономический детерминизм.

Вероятно, именно лингвополитические идеи марксизма вместе с экономическим детерминизмом в наилучшей степени могут объяснить социально-историческую эволюцию человечества. Но марксизм являлся продуктом своего времени и политических обстоятельств. В силу последних классики марксизма сами неоднократно пытались нарушить открытые ими закономерности в угоду своим политическим предпочтениям. Как писал Плеханов, «фатализм в истории несколько не мешает утопическому отношению к действительности на практике. Напротив, он содействует ему, обрывая нить научного исследования. Фатализм вообще нередко идет рука об руку с самым крайним субъективизмом. Фатализм сплошь и рядом объявляет неотвратимым законом истории свое собственное настроение. Именно о фаталистах можно сказать словами поэта: Was sie den Geist der Geschichte nennen ist nur der Herren eigner Geist (То, что они называют духом истории, есть лишь собственный дух этих господ)» [20]. Маркс не смог удержаться, чтобы не сделать историю (и даже экономику) служанкой политики, своей политической пристрастности. Если следовать самой марксистской теории (следствий из которой не заметил и сам Карл Маркс), то изначальные языковые общности возникают не в результате проявления экономических законов, но являются необходимой предпосылкой для их «деятельности». Следовательно, экономическое развитие, взятое само по себе, не может привести ни к исчезновению различных языковых сообществ, ни к слиянию их в единое моноязычное человечество. Национальный дух, живущий в языке, задул пожар всемирной революции. Красная лингвополитика закончилась — началась другая лингвополитическая история.

Литература

1. В. И. Ленин о национальном и национально-колониальном вопросе. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1956. 599 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 13. 771 с.
3. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М.: Госполитиздат, 1956. Т. II. 824 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 21. 746 с.
5. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1970. Т. 42. 606 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в двух томах. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1948. Т. II. 516 с.
7. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1: Наука логики. М.: Мысль, 1974. 452 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М.: Партийное изд-во, 1933. 619 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1968. Т. 46, ч. 1. 745 с.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 3. 629 с.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977. Т. 45. 634 с.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 19. 670 с.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 6. 761 с.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М.: Политиздат, 1986. 63 с.
15. Каутский К. Национальные проблемы. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 184 с.
16. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1973. Т. 24. 568 с.
17. Богданов А. Пролетарская культура и международный язык (тезисы доклада) (1919). URL: <http://crecleco.seriot.ch/textes/Bogdanov19.html> (дата обращения: 15.02.2017).
18. Краткий философский словарь / под ред. М. Розенталя и П. Юдина. М.: Госполитиздат, 1954. 703 с.
19. Виноградова С. М., Дунаева Ю. Г., Руцин Д. А., Шалденкова Т. Ю. Геополитика. М.: Юрайт, 2016. 273 с.
20. Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. URL: <http://www.politpros.com/library/17/495> (дата обращения: 17.02.2017).

Для цитирования: Чернов И. В. Красная лингвополитика и мировая революция. Ортодоксальный марксизм о языковом факторе в историческом развитии // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 10. Вып. 2. С. 166–185. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2017.206

References

1. V. I. Lenin o natsional'nom i natsional'no-kolonial'nom voprose [V. I. Lenin on the national and national-colonial question]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1956. 599 p. (In Russian)
2. Marx K., Engels F. *Sochineniia* [Works]. 2nd ed. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1959. Vol. 13. 771 p. (In Russian)
3. Plekhanov G. V. *Izbrannye filosofskie proizvedeniia* [Selected philosophical works]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1956. Vol. II. 824 p. (In Russian)
4. Marx K., Engels F. *Sochineniia* [Works]. 2nd ed. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1961. Vol. 21. 746 p. (In Russian)
5. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Full composition of writings]. 5th ed. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1970. Vol. 42. 606 p. (In Russian)
6. Marx K., Engels F. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected works], in 2 vols. Moscow, OGIЗ, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1948. Vol. 2. 516 p. (In Russian)
7. Hegel G. V. F. *Entsiklopediia filosofskikh nauk* [Encyclopedia of Philosophical Sciences]. Vol. 1. The science of logic. Moscow, 1974. 452 p. (In Russian)
8. Marx K., Engels F. *Nemetskaia ideologiia* [German ideology]. Moscow, Partiinoe izdatel'stvo, 1933. 619 p. (In Russian)
9. Marx K., Engels F. *Sochineniia* [Works]. 2nd ed. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1968. Vol. 46. 745 p. (In Russian)
10. Marx K., Engels F. *Sochineniia* [Works]. 2nd ed. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955. Vol. 3. 629 p. (In Russian)
11. Marx K., Engels F. *Sochineniia* [Works]. 2nd ed. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1977. Vol. 45. 634 p. (In Russian)
12. Marx K., Engels F. *Sochineniia* [Works]. 2nd ed. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1961. Vol. 19. 670 p. (In Russian)

13. Marx K., Engels F. *Sochineniia* [Works]. 2nd ed. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1957. Vol. 6. 761 p. (In Russian)
14. Marx K., Engels F. *Manifest Kommunisticheskoi partii* [Manifesto of the Communist Party]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1986. 63 p. (In Russian)
15. Kautskii K. *Natsional'nye problemy* [National problems]. Moscow, Knizhnyi dom «LIBROKOM» Publ., 2011. 184 p. (In Russian)
16. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Full composition of writings]. 5th ed. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1973. Vol. 24. 568 p. (In Russian)
17. Bogdanov A. *Proletarskaia kul'tura i mezhdunarodnyi iazyk* [Proletarian culture and the international language] (theses of the report). Available at: <http://crecleco.seriot.ch/textes/Bogdanov19.html> (accessed: 15.02.2017). (In Russian)
18. *Kratkii filosofskii slovar'* [Brief philosophical dictionary]. Eds M. Rosenthal, P. Yudin. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1954. 703 p. (In Russian)
19. Vinogradova S.M., Dunaeva Iu. G., Rushchin D.A., Shaldenkova T.Iu. *Geopolitika* [Geopolitics]. Moscow, Iurait Publ., 2016. 273 p. (In Russian)
20. Plekhanov G.V. *K voprosu o razvitiu monisticheskogo vzgliada na istoriiu* [To the question of the development of a monistic view of history]. Available at: <http://www.politpros.com/library/17/495> (accessed: 17.02.2017). (In Russian)

For citation: Chernov I.V. Red linguopolity and the World revolution. Orthodox Marxism on the linguistic factor in historical development. *Vestnik SPbSU. Political science. International relations*, 2017, vol. 10, issue 2, pp. 166–185. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2017.206

Статья поступила в редакцию 11 марта 2017 г.
Статья рекомендована в печать 27 апреля 2017 г.